

257

Целищев Виталий Валентинович
Доктор философских наук
Директор Института философии и права СО РАН

Беседы на тропинке

Физико-технический факультет Новосибирского государственного технического университета (бывший Новосибирский электротехнический институт) обязан был своим возникновением решением А.М. Будкера привлечь в ИЯФ способных к физике студентов. Хотя сам я не оказался столь способным, чтобы оказаться среди будущих работников ИЯФа, но по иронии судьбы, стал старостой одной из двух групп студентов, которые и стали первым набором факультета. С третьего курса НЭТИ были отобраны около четырех десятков человек, которых «завезли» в ИЯФ, где мы работали, а утром и вечером нам читали лекции гранды науки. Среди первых лектором был и сам инициатор затеи, Андрей Михайлович Будкер, харизматичный мыслитель. Создавалось впечатление, что во время чтения лекции его голова была занята множеством других мыслей, посреди лекции он останавливался, о чем-то задумывался, и на некоторое время терял нить изложения. Тогда он прибегал к коронной фразе, которая мне очень запомнилась: «доцент Чириков» вам все разъяснит. Действительно, приходил Чириков, и очень подробно и доходчиво объяснял материал. Так я познакомился с Борисом Валериановичем.

Наверное, слово «познакомился» будет слишком сильным, поскольку нас было много, и у студентов обычно нет уверенности, что профессора помнят всех из них. У меня нет никакой уверенности, что Борис Валерианович помнил меня как студента, не совсем я уверен и в том, что при последующих встречах он отождествлял меня с директором философского института. Но это никак не влияло на возможность наших разговоров с ним. Его доброжелательность позволяла преодолеть чувство неловкости, которое возникает, когда вы отвлекаете человека от важных дел. А он всегда был погружен в какие-то размышления, и казалось, обычные разговоры могут только докучать ему.

Мы часто встречались, когда он проходил к своему коттеджу мимо моего дома. Поначалу мы просто здоровались, и не могу сказать, что в его глазах мелькало узнавание старого знакомого. Иногда его сопровождала Ольга Степановна, которая была при встречах очень приветлива, и создавалось впечатление, что она рада тому, что Борис Валерианович отвлекается от постоянных размышлений над серьезными материями.

Однажды я все-таки решил расспросить его об истории, связанной с проверкой корректности заявленных одной группой исследователей результатов. Эти результаты весьма сильно отличались от того, что можно было бы ожидать от рациональной науки. Меня эта история интересовала по двум причинам. Во-первых, я некоторое время работал в институте, где находилась исследовательская группа, и знал ее участников. Во-вторых, как философа науки меня интересовали границы рациональности объяснения явлений. Как оказалось, Борис Валерианович был во главе комиссии по проверке результатов. Он в очень обстоятельной манере объяснил мне, в чем состояла ошибка этих исследователей, но в его голосе не было ни тени какого-то осуждения их. У меня, который не общался постоянно с Борисом Валериановичем, создалось впечатление о том, что он был очень терпим и стоял выше людских драг.

По ходу времени во мне крепла решимость задать Борису Валериановичу несколько вопросов, которые не считаются «приличными» в среде физиков. Речь идет об

интерпретации квантовой механики. Долгие споры основателей квантовой механики по поводу смысла странного поведения микромира постепенно сменилось убеждением, что ни к чему полезному такие дискуссии не приведут. Недавно видный физик Ли Смолин в своей книге «Неприятности с физикой» говорит, что с подачи Р. Фейнмана в физическом сообществе утвердилась тенденция «Вычисляйте, и оставьте в покое философию». Противоположная тенденция, которую Смолин связывает с Эйнштейном, постепенно стала ассоциироваться с теми, кто оказался по тем или иным причинам вне «мейнстрима». Так что эти дискуссии стали уделом философов, которые не очень-то вникают в технические детали, порой играющие решающую роль в понимании законов природы. И конечно же тут важны комментарии профессионалов.

Его реакция на мои вопросы оказалась несколько неожиданной для меня. Он был в курсе всех тех вопросов, которые задают философы науки, будь то дискуссия о следствиях теоремы Белла или же «реинкарнация» многомировой интерпретации квантовой механики в космологии. У меня также сложилось впечатление, возможно ошибочное, что он не часто обсуждал такие проблемы, хотя и имел довольно определенное мнение о судьбе этих проблем. Необыкновенная ясность его мысли и изложения запутанных вопросов были очень характерны для него. Мне очень жаль, что в российской научной среде в кругах высочайших профессионалов существует весьма жесткая традиция самоограничений, которая приводит к тому, что размышления подлинных мыслителей «о природе вещей» не выходят за узкий круг специалистов. Речь идет даже не о популяризации науки, которая безусловно нужна, но о создании атмосферы рациональности, олицетворением которой является наука. Мне кажется, что когда уходит ученый такого масштаба как Борис Валерианович Чириков, не высказав многого из того, над чем он размышлял долгое время, мы упускаем шанс сделать науку чем-то таким, что меняет наше мышление и наши способы познания мира.

Борису Валериановичу была присуща интеллигентность, которая проявлялась буквально во всем. В нем не чувствовалось напыщенности и осознания собственной значимости. У меня создалось впечатление, что он был одинок, хотя я недостаточно был знаком с ним, чтобы утверждать это с уверенностью. Но его доброжелательность и корректность делала общение с ним легким и очень интересным.

Уход из жизни таких людей как Борис Валерианович всегда вызывает чувство невосполнимой утраты для общества. Для меня это еще и личная утрата человека, нечастые беседы с которым вдоль тропинок я так ценил, прекрасно осознавая масштаб личности моего собеседника.